

*Книги, вышедшие в серии
«Часть речи»*

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ. Небо на ремонте

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ. Куб, шар, цилиндр

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО.

Великое однообразие любви

ВИКТОР КРИВУЛИН. Воскресные облака

ОЛЕГ ОХАПКИН. В среде пустот

АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ. Минус-корабль

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ. Псалмы и фуги

ВИКТОР ТОПОРОВ. Любимых убивают все

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВ. Карандашом зрочка

ЕЛЕНА ШВАРЦ. Зверь-цветок

ВИКТОР ШИРАЛИ. Простейшие слова

Алексей Парщиков

Минус-корабль

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
П85

Составление Екатерины Дробязко и Бориса Останина

Парщиков А.

П85 Минус-корабль : [стихотворения] / Алексей Парщиков ; [сост. Е. Дробязко, Б. Останина ; предисл. М. Эпштейна]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 240 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-03614-8

В книгу вошли избранные стихотворения выдающегося русского поэта Алексея Парщикова, написанные в разные годы: от самых ранних, лишь десятилетие спустя напечатанных в сборнике «Днепровский август» (1986), до входящих в цикл «Дирижабли» (2008).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Парщиков А. М., наследники, 2022
© Дробязко Е. А., Останин Б. В.,
составление, 2022
© Эпштейн М. Н., предисловие, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-03614-8

РАСКОВЫВАЮЩИЙ ЦЕПИ

Есть поэты времени и поэты пространства. Первые отображают время и меняются вместе с ним, прокладывая путь своему лирическому герою. Таков Блок: через его циклы, три поэтических тома проходит история человеческой души. А вот Тютчев, например, как поэт почти не менялся, а лишь бесконечно раздвигал границы предзаданного ему космофического мира судеб и стихий.

Алексей Парщиков тоже был скорее поэтом пространства: он развёртывал свои изначальные интуиции и архетипы, среди которых на первом плане, мне кажется, Бегемот, Левиафан и другие первозданные звери из библейской Книги Иова. Прекрасный и яростный мир творения, череда величественных и причудливых тварей, от козы и коня до Левиафана... В этом, собственно, и состоит заповедь Книги Иова: вернуться от проклятого древа познания добра и зла к цельному древу жизни.

Парщиков был именно поэтом древа жизни, его влекла не столько психология и этика, сколько космофизика, распаханное от микробов до галактик мироздание, которое не центрируется на «человеческом, слишком человеческом». Своему «Выбранному» он предпослал высказывание Леонардо да Винчи вполне в духе Книги Иова: «Опиши язык дятла и челюсть крокодила». Парщиков несколько лет учился в сельскохозяйственной академии, и это не было просто отбыванием образовательной повинности: мне кажется, он пришел в неё, как ходят

в зоопарк и в ботанический сад, с ребяческим желанием побыть как можно дольше среди зверей и растений, по-дивиться их внешности и повадкам. Земля, море, звери, вещи, орудия — творения Бога и человека — в центре его образной системы, которая не сосредоточена на лирическом «я», но тяготеет к эпосу миротворения:

Если ты носишь начало времён в ушах,
помнишь приручение зверей,
как вошли они в воды потопа, а вышли:

овца принесла азбуку в бурдюке
от Агнца до Ягнёнка;

лошадь, словно во льду обожжённая,
стройней человека,
апостол движения <...>

а собака?
а верблюд?
а курица? —

все святые!

(«Новогодние строчки»)

Поэзия Парщикова, да и метареализма вообще, кажется трудной для восприятия, но в этом виновата не столько её сложность, сколько примитивность нашего мышления, разделяющего вещи квадратно-гнездовым способом по их практическим функциям. Вот как начинается стихотворение «Борцы»:

Сходясь, исчезают друг перед другом
терпеливо —
через медведя и рыбу — к ракообразным,
облепившим душу свою.

Читатель в недоумении: борцы, арена, спорт, чемпионат — ассоциативная цепочка уже готова; а причём тут ракообразные? Но в том-то и дело поэзии — расковать эти металлически жёсткие цепи готовых ассоциаций, освободить ум и зрение. Чтобы мы увидели просто и ясно, как борцы становятся медвежисто разлапистыми, сплющиваются, как рыбы, и дальше, сцепляясь, топорщась локтями и коленами, превращаются в раков, медленно переползающих взад и вперёд. Перед нами — картина взаимопревращения всего живого. Напомню, что метареализм — это поэзия многих реальностей, переходящих друг в друга. Прообраз и источник поэзии Парщикова и вообще метареализма — завершающая часть Книги Иова, где Творец мироздания выступает и как его первопоэт.

Парщиков не любил драматизировать мир, видеть в нём антагонизм, борьбу, трагедию и катарсис. Его видение было примирительно-эпическим: конечно, не таким цельно-всеобъемлющим, как у Гомера, но подчёркнуто и честно фрагментарным. Парщикова влёт не столько большой космос, сколько множество микрокосмов, свёрнутых в себя и вместе с тем открытых метаморфозам: лягушки, пауки, удода, лиман, антрацит, залив, бухта Цэ... Парщиков был космическим поэтом микрокосмов. Например, чёрного сома:

Нам кажется: в воде он вырыт, как траншея.
Всплывая, над собой он выпатит волну.
Сознание и плоть сжимаются теснее.
Он весь как чёрный ход из спальни на Луну.
А руку окунёшь — в подводных переулках
с тобой заговорят, гадая по руке.
Царь-рыба на песке барахтается гулко
и стынет, словно ключ в густеющем замке.

(«Сом»)

Стихотворение у Парщикова строится как последовательность разных взглядов на вещь, способов её восприятия и запечатления, которые в совокупности суть проявления её собственной сущности. Так, «сом» — это совокупность всех его восприятий: зрительных и осязательных, в воде и на суше, наяву и во сне. Принцип такого мировидения, которое изнутри себя есть мироздание: «я стал средой обитания зрения всей планеты».

Для Парщикова не было разницы между культурой и природой. Точнее, разница была, но подчёркнутая лишь настолько, чтобы тем сильнее её перечеркнуть. Его темой была именно природность (животность, первозданность) культуры и культурность (техничность, инженерность) природы.

Ёж прошел через сито — так разобщена
его множественная спина.

(«Ёж»)

В саду оказались удода,
как в лампе торчат электроды...

(«Удоды и актрисы»)

Душно в этих стенах — на коснеющем блюде
впотьмах
виноградная гроздь в серебре, словно аквалангист
в пузырях.

(«Бегство 1»)

Парщиков внёс в русскую поэзию бесконечную сцепчивость, гирляндность, космическую протяжённость

образов-метаморфоз. Вот две его строки, одновременно первобытно-эпические и сверхавангардные:

А что такое море? — это свалка велосипедных рулей,
а земля из-под ног укатила.
Море — свалка всех словарей, только твердь язык
проглотила.

(«Новогодние строчки»)

Языки волн напоминают о многоязычных словарях, об изогнутых рулях велосипедов, заполнивших всё мироздание до горизонта. Такова эпичность XXI века: взаимопронизанность биологической, семиотической и технической эволюции. Если это и «метафоры», то не более, чем такие научные концепты, как «язык генов» или «искусственный интеллект». И Парщиков был одним из первых, кто сумел найти для этого синтеза новый поэтический язык.

Метафорика у Парщикова достигает такой степени кривизны, что требуется по крайней мере десятимерное пространство, чтобы ясно увидеть предмет. Такое пространство в физике описывается крайне абстрактной теорией суперструн — первичных волокон вселенной, вибрация которых образует все материальные объекты. Поэтике и критике нужна своя теория суперструн, чтобы прочесть Парщикова, распутать эти измерения и увидеть многомерные фигуры его предметов, услышать космические вибрации. Как говорят физики о суперструнах, «многогранность объекта не позволяет дать ему однозначного определения».

А вот что говорит один поэт другому, Иосиф Бродский — Алексею Парщикову:

Алёша, Вы — поэт абсолютно уникальный по русским и по всяким прочим меркам масштаба. Говоря «поэт», я имею в виду именно поэзию и, в частности, Ваши ме-

тафорические способности, их — Ваш — внерациональный вектор. Они в Вас настолько сильны, что, боюсь, доминируют в стихе в ущерб слуху.

Последуем этому «внерациональному вектору». Вот парщиковская вариация на тему пушкинского «Памятника»:

Как нас меняют мёртвые? Какими знаками?
Над заводской трубой бледнеет вдруг Венера...
Ты, озарённый терраконовыми шлаками,
кого узнал в тенях на дне карьера?
Какой пружинной сгущено коварство
угла или открытого простора?
Наметим точку. Так. В ней белена аванса,
упор и вихрь грядущего престола.
Упор и вихрь.

А ты — основа, щёлочь, соль...
Содержит ли тебя неотвратимый сад?
То съжётся рельеф, то распрямится вдоль,
и я ему в ответ то вытянут, то сжат.

(«Мемуарный реквием Зубареву»)

В каждой точке пространства есть своя пружина, своё крошечное невидимое измерение — ростковая точка бессмертия, «упор и вихрь грядущего престола». Суждено ли нам стать частицей той почвы, которая войдёт в состав грядущего сада и сохранит нас в нём? Это вопрос каждого к себе. Через нас проходят колебательные контуры будущего, которые то растягивают, то сжимают нас, — это и есть вибрация тех суперструн, которыми творится вселенная. Ни одна популяризация физики не позволяет так наглядно представить загнутые, невидимые уголки многомерного пространства-времени, как поэзия Парщикова.

Михаил Эпштейн